

РЕТРОСПЕКТИВА, ПЕРСПЕКТИВА И ТРАНСПЕКТИВА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОДХОДА К МОЛОДЕЖНЫМ НОНКОНФОРМИСТСКИМ ОБЪЕДИНЕНИЯМ КАК К ОБЪЕКТУ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В предложенной статье дается краткий анализ проблемы, связанной с молодежной политикой государственных органов, самой молодежной субкультурой и ее нонконформной картиной мира, которую мы склонны рассматривать как следствие искусственно созданной обществом позиции «вынужденной маргинальности» представителей молодежных субкультур. Рассматриваются и кратко описываются такие субсоциальные феномены, как «коммуникативная атомизация», «маргинальность», «наивный реализм», «негативизм», «псевдотолерантность», «молодежное нонконформистское объединение» (МНКО).

Изучение молодежной нонконформной среды началось еще в конце XIX в., когда З. Фрейд и Л. Фойер впервые заговорили о «конflikте поколений», и примерно в это же время появились работы Ч. Ломброзо и М. Нордау, в которых молодежный нонконформизм определялся в терминах психофизиологической и социальной деградации. В течение XX в. актуальность «молодежной проблемы» изменялась от психофизиологических проблем реабилитации «потерянных поколений» (1919 – 1924 гг. в Европе и Советской России; 1946 – 1950 гг. в Европе, СССР, США и Японии; 1966 – 1976 гг. в США) и до чисто педагогических концепций и творческих изысканий, помогающих (облегчающих) социализацию молодежи через удлинение возрастных границ в фазах взросления. Современная гуманитарная наука на протяжении всей второй половины XX в. много и долго говорила о кризисе в области институтов социализации. Однако ретроспективные исследования не смогли дать адекватный прогноз на дальнейшие события, связанные с появлением «вне-социальных» (хиппи, андерграунд, богема, попперы, толкинисты и т.д.), а потом и «антисоциальных» (панки, гопники, экстремалы и др.). Ведь с точки зрения самого общества молодежь – один из главных движущих факторов развития внутри любой цивилизации – растущий капитал, который социум создает ради своего будущего блага, начинает угрожать стабильности самого общества.

Однако выводы, сделанные по результатам нашего исследования (1998 – 2002 гг.), не совпали с традиционными подходами и концепциями в изучении молодежной субкультуры. Количественный анализ качественных данных показал необходимость выработки нового концептуального подхода, который позволил бы более точно подойти к проблеме молодежной субкультуры. В частности, по нашему мнению, наиболее верным в данном случае будет взгляд на проблему через концепцию вынужденной маргинализации, что подтвердило нашу первоначальную гипотезу о вынужденной внесоциальности молодежной субкультуры. Маргинальная ситуация – это положение, в котором оказываются «культурные гибриды» во времена переломов и кризисов. Именно поэтому маргинальная личность тяготеет к созданию антиобщественных объединений с инвертированной системой ценностей. Основные выделенные параметры-показатели, отличающие маргинала, следующие: 1) повышенное беспокойство; 2) острая чувствительность; 3) агрессивность; 4) ярко выраженное честолюбие; 5) крайняя эгоцентричность; 6) чувство неуютной стесненности, психологический дискомфорт.

Все это черты в сознании и поведении представителей социальных подгрупп, которые в силу каких-либо обстоятельств не способны интегрироваться в большое референтное сообщество. Поэтому, на наш взгляд, будет адекватным использование социально-психологического понятия «маргинальность», обозначающее промежуточность, «пограничность» положения человека между социальными группами.

В то же время, для нашей сложившейся цивилизации молодежный маргинализм – это культурно-исторический феномен, так как у многих народов в принципе не существует понятия «тинейджер» (досл. «человек переходного возраста»). А механизмом включения подростка во «взрослое» сообщество является институт инициации, который не только передает общеприемлимые ценности и нормы поведения поколению, достигшему социального совершеннолетия (12 – 15 лет), но и распределяет его по социальным нишам.

Наше исследование показывает специфику иного плана. Переходный возраст не имеет четких границ (он «плывет» от 14 лет – получение неоконченного среднего, через 16-летие – окончание школы, 18-летие – призыв в армию, 21 – 23-летие – окончание вуза, вплоть до 24 – 28-летия – окончания аспирантуры или ординатуры), подросток может в течение 14 лет находиться внутри маргинальной ситуации, связанной с кризисной дилеммой: кто я, «поучаемый ребенок» или «распоряжающийся взрослый». В 28 лет индивид переживает те же внутриличностные конфликты, что и в 13 – 15. Следовательно, маргинальные личности, с одной стороны, усваивают ценности двух и более конфликтующих – полярных – параллельных культур, с другой – испытывают дискомфорт и исповедующие поведение, превращающее маргинальность, в своего рода антикультуру [1. С. 18 – 22].

При этом, молодежная политика как сфера особых интересов государства должна была бы эволюционно сформировать специализированную четко направленную программобразующую структуру взаимодействия на микро- и макроуровне объектно-субъектных полей транскоммунитивного взаимодействия «молодежь – взрослая большая референтная группа», хотя говорить о полном бездействии тоже нельзя. Кроме системного анализа (Ч. Спенсер) и последователей фрейдизма (В. Сатир, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон) была сформирована концепция молодежных субкультур, в которой во главу угла ставилось не позиционирование с молодыми нонконформистами, а поиск точек соприкосновения интересов и сфер для более тесного сотрудничества. Через систему перспек-

тив многие психологи пытались бороться с тоталитарными сектами, а социологи соответственно искать способы выхода из социально-конфликтных ситуаций (подробный обзор см.: Журнал практического психолога. 2000. № 1 – 2). Как ни парадоксально, но именно эта волна прогрессивных действий породила (или возродила) внутри российского общества концепты, которые, как ни странно, во многом составили основу нового русского прагматизма, который стал диффузно проявляться в коллективной и индивидуальной деятельности советских граждан в середине 1980-х гг.. В новой перспективе нет места ни для переживания романтики досоветского периода, ни для героических будней советской истории. Поэтому уже с начала 1990-х гг. одну из основных областей общественного взаимодействия государство и правительство увидели в экономической сфере потребления (борьба за гигиену через прокладки и памперсы; борьба с алкоголизмом через пиво и «пьяные» коктейли; борьба за здоровый образ жизни через энергетические напитки и презервативы).

Выделяя основные характеристики, постулирующие объективные и субъективные факторы (*credo u menthalis*) выбранной нами референтной группы: подвижность внутри МНКО; тревожность, связанная с ней, боязнь оценки, демонстративность и эпатажность в поведении; острая необходимость в самоопределении личности в ценностно-мотивационной сфере; пониженная субъективная удовлетворенность в потребностной сфере; склонность к агрессии в защитных реакциях и оценках; стремление подчеркнуть свою высокую статусность, престижность своей группы, оправдать ожидания; зеркальное восприятие себя, членов своего МНКО, других; чувство брошенности, *покинутости*, эмоциональная изоляция, социальные страхи в результате включения в новую социально-психологическую ситуацию.

Именно в этой, изначально неравноценной позиции, когда большинство представителей молодежной субкультуры чувствуют себя изгоями (беженцами), и лежит укоренившийся стереотип «конфликта поколений», «болезни роста», «дионисийства» и т.п. На самом же деле мы имеем дело с классической маргинальной средой, которая более подвижна и более чувствительна к изменениям стабильности внутри общества и в которую общество вынуждает попадать молодых людей в возрасте от 16 до 28 лет.

Ситуация, описанная нами выше, похожа на столкновение с феноменом виртуальной реальности, которая, конструируя себя, одновременно, изменяет и само общество, его системы норм и ценностный набор. Таким образом, виртуальная реальность, во многом провоцирующая и парадоксальная, оказывается в поле внимания многих современных исследователей. Так, Бодрийяр и Делез говорят о предметности виртуальной реальности как о симулякрах, т.е. об образе иллюзии, а Деррида – о потере референтного объекта. При этом отказ от не критического восприятия модели информационного общества с характерным для нее технологическим детерминизмом открывает перспективу более адекватной интерпретации компьютерной революции как одной из тенденций трансформации общества. В этой перспективе принципиально важным оказывается тот факт, что приоритетным в по-

следние годы стало развитие не информационных, а симуляционных технологий, т. е. технологий виртуальной реальности. С помощью технологий виртуальной реальности воссоздается видимость институциональности обмена. Обмен осуществляется как симуляция – виртуальный аналог реального социального взаимодействия. Взаимодействие есть, но ему не достает привычной социальности, общества как среды взаимодействия.

Рычаги влияния в этом поле: в оси предложения – реклама и мода, а в оси потребления – наивный реализм, некомпетентная толерантность и отсутствие рефлексии у потребительской аудитории. Можно возразить, что исходя из современных взглядов на социальную психологию массовых коммуникаций, реклама и мода не являются в прямом смысле социально-психологическими феноменами. Но они породили потребительское поведение, основанное на социальном знании, подражании, конформизме, аттракции, социальной фасилитации, атрибуции и т.д. [2. С. 11 – 28]. Реклама сегодня управляет большими референтными группами потребительски активных и при этом атомизированных индивидов. А мода стала определять массовое поведение в рамках социальных коммуникативных сетей (мода на одежду, мода на фильмы, мода на книги, мода на идеи и т.п. и т.д.). Волна ремифологизации, трансформируя тип культуры [3. С. 180 – 182], изменила внутреннюю структуру многих «родных и близких» феноменов. Вполне вроде бы рациональное стремление заработать и приобщиться к заработанным деньгам необходимо, нужную в хозяйстве вещь стало «товарным фетишизмом» [4. С. 99].

Сегодня внутри транзитивных сообществ (здесь, живущих и приспособляющихся к постоянному переходному периоду во всех сферах жизни) существует мода на самоопределение и оригинальность, но вербализуется она фразой: «Я хочу быть необычным, как все», а социально выражается через стратегии негативизма. Мода быть «Другим без Другого», придерживаясь лишь внешней атрибутики противопоставления себя ценностям общества, демонстрация отклонения от норм, фактически может быть демонстрацией трансформации культурной традиции западного общества, основанной на принципах, а не на декларации гуманизма – самоопределяющийся субъект в объективном, позитивистски познаваемом мире, [6. С. 12]. Символика символов сегодня теряет всякий смысл для тех, кто эти символы надевает на себя, чаще всего символы подбираются через понятия стиля и общего дизайна модного или анти-модного (нонконформного) восприятия социального «Я» человека. Технократические идеалы Просвещения, породившие социализм как видение человечества образованного, эмпатичного лучшему в человеке, выродились в потребительство (рынок, на котором можно достать все), продукт системы «человек-машина» [7. С. 14 – 32], циничное отношение к образованности, инфляция интеллектуала в эрудита-участника телевикторины. Фактически средствами рекламы продукта экономических сообществ от микро- до мегакорпораций идет информационная война против возможного потребителя, обладающего пока еще не до конца деконструированными ценностями. Реальная социальная идентичность заменяется инсценировками групп [8. С. 67

– 69]. «Антиинтеллектуальная культура» [9. С. 34], которая проявляется в чрезмерном внимании к удовлетворению потребительского спроса, громкости, яркости красок и развлечений в ущерб серьезному размышлению, приводит к тому, что молодежь усваивает систему ценностей массовой индустрии развлечений, а не моральные установки, воспитывающие дисциплину и любознательность ума, желание учиться. Общество, которое не может закончить переживание реформ, в итоге адаптируется к постоянному реформированию реформообразующих реформ. С этого начался закат Римской империи, затем наступил черед Византии, бесконечные реформы раскололи Халифат, Афганистан, Британскую империю, СССР. Философы и социальные историки даже пытаются ввести термин «Новое средневековье», показывая регрессию общества и дегенерацию (здесь вырождение) его членов (А. Рено, С. Жижек, Д. Рашкофф). Мир молодежи тоже сильно изменился и далеко не в лучшую сторону. Полученные данные относительно профессионально-коммуникативной среды и виденья ее перспективы суммируются четырьмя показателями: 1) внутри коммуникативная атомизация – т.е. отделение себя от ближайших социальных структур, при неисклеченности себя из общества через системы масмедиа (радио, телевидение, газеты, журналы, интернет). Появляется расчет или на себя, или на помощь близких на фоне недоверия официальным структурам и тотальной индифферентности к общественным и политическим сферам жизни общества [10. С. 228 – 233]; 2) идея прагматизма по-русски, это когда я хочу много получать и при этом ничего не делать. Нет смысла в том, чтобы создавать блага, которые нельзя будет продать. Поэтому поступление в вуз – это норма, а не идеал, потому что диплом – это необходимое превентивное условие дальнейшего жизнеутверждения. Например, нет смысла иметь в большом городе большую семью – это не окупается. Нет смысла «грызть гранит науки», потому что студент работает на зачетку и выполняет определенные необходимые ритуалы для получения (или покупки в рассрочку) диплома о высшем образовании. Нет смысла быть культурным и интеллигентным, потому что это судьба нищих и слабых и т.д. [11. С. 20]; 3) все чаще, особенно в тренинговых программах по работе с молодежными группами визуально, методом наблюдения или экспертных оценок, можно наблюдать страх контакта и неспособность построить стратегию переговорного процесса. В работе «Комплексная программа тренинговых упражнений формирования толерантных качеств личности коммуникаторов» мы называем это феноменом проявления так называемой некомпетентной толерантности. Вернее феномен толерантности, выявленный нами в ситуации формирующего эксперимента [11. С. 18], приобрел черты, которые мы можем охарактеризовать как коммуникативная некомпетентность (Л.А. Петровская), что de facto является парадоксом. В группе визуально наблюдалась, что и зафиксировано в протоколах, неспособность построить стратегию переговорного процесса и уход от контакта – «закукливание». Группа экспертов, обсуждая работу тренинговых групп, образно охарактеризовала этот эффект феноменом проявления «некомпетентной толерантности. В основе внедряемого термина лежит определе-

ние, представленное в статье «Принципы наивного реализма и их роль в возникновении непонимания между людьми» [12. С. 24 – 37], где наивный реализм объясняется авторами как совокупность веры человека в объективность собственного восприятия окружающего мира, уверенность человека в том, что другие рациональные наблюдатели придут к тем же выводам, что и он, при склонности объяснять разногласия между собой и другими людьми их «незнанием» и «упёртостью»; 4) самоидентификация личности больше не требует жестко определённого «социального Я», в связи с чем молодёжные группировки, в которых не выражена диспозиционная иерархия, фактически перестают существовать (выделяться из большой субсоциальной группы).

Мы, в свою очередь, предложили более приемлемый термин: «псевдотолерантность», который складывается как своеобразный отклик личности на когнитивный диссонанс между синергичными феноменами: социальной индифферентностью, характерной для масс-единицы постиндустриального общества и наивным реализмом личности, находящейся в ситуации маргинального отчуждения в условиях распада конвенциональной группы.

Что это значит? С появлением нового типа социального пространства появился новый лидер этого пространства – в его задачи не входят ни призывы к бунту и не борьба с революциями, а только степень потребления и кредитности аудитории (и в первую очередь к нему самому). «Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца. Поэтому, управляя, совершенномудрый делает сердца подданных пустыми, а желудки – полными. Его правление ослабляет волю и укрепляет кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющиеся знания не могли бы действовать» (Дао Дэ Цзын).

Вектор трансформации типа культуры идет от аполлонического, основанного на образованной трезвости сознания (примером может служить Ф.Э. Дзержинский: чистые руки, горячее сердце, холодная голова) к дионисийскому, со свойственным для него стремлением выйти за пределы дозволенного, разумного, парадоксально являющимся культурной нормой [14. С. 34]. Наиболее вредным и тенденциозным дионисийским мифом является идеология равенства [15. С. 44 – 45], оргиастически уравнивающая социальные группы в свальном грехе потребления: «И нам того же!».

Получается следующий парадокс: с одной стороны, молодежи навязывают позицию акселерата-потребителя (сегодня ему берут памперсы, потом игрушки, затем он сам – колу, презервативы, компьютеры и т.д. и т.п.); с другой стороны, на личностном уровне общество сдерживает развитие молодежи, загоняя в инфантилизм: низкую степень самостоятельности, низкий уровень ответственности, размытый в ролевом наборе «Я-образ», отказ от предъявления «Я-идентичности» в пользу модности и стремления максимально безопасно социализироваться. SMS-мания и рейтингные опросы создают иллюзию интерактивности, «продвинутости» социально-экономической ре-

альности. [15. С. 251]. Какой же результат мы можем получить в ближайшем будущем, что может дать обществу инфантильный акселерат?

Во-первых, уже сегодня мы уже можем увидеть трансформацию таких гуманистических понятий, как самореализация (теперь представители молодежи мыслят ее, как повышение потребительской способности) и самоактуализация (соответственно – повышение культуры потребления). Этот тезис можно просто отследить через такое молодежное неконформистское движение, как неоглобализм, давший совершенно диссонансный лозунг, в котором переплетается и сверхсвобода и тоталитарный контроль: «свободные люди, мы можем всех вас спасти, но для этого наденьте, пожалуйста, ошейники».

Во-вторых, уже сегодня мы можем посмотреть «модный» общественный заказ: мальчишкоподобные нимфетки (а-ля Лолита и т.п.), бисексуальная проституция, которая становится сферой досуга (культурная программа молодежной вечеринки), включение детей во взрослые виды потребительских цепочек (в том числе детские рестораны и детский шоу-бизнес), перевод прав молодежи из политической в сексуальную сферу (снижение сексуально-активного возраста). При этом общество ничему не учится, ведь и Станислав Гроф, и Ллойд Демоз в своих психоисторических антологиях и аналитических описаниях экспериментальных исследований уже дали такие определения, как «комплекс переживания «черной дыры», «негативный комплекс с экстерниризацией сенсорного переживания «плохой матки». Уже прописаны основные «языки современной социализации»: растянута во времени (граница молодости: 28 – 32 года, для большинства традиционных культур это – пик зрелости); безответственность общества в своих социализирующих институтах (молодежи проще решать проблемы через маргинальные и криминальные структуры, чем пойти «законным путем»); отношение к детям и подросткам как к «заместителям» значимых фигур взрослого в детстве и использование их как своеобразный сосуд для проекции содержания своего собственного бессознательного (молодежь, находясь внутри социализирующих институтов, оказывается дезадаптированной по отношению к этим самым институтам).

В-третьих, молодежь становится не только атомизированной аудиторией отдельно выделенных потребителей, но и все более аномичной структурой в обществе («хочу ничего не делать, но так, чтобы у меня все было; я сам есть ценность, поэтому мне все должно – все остальное не важно»). Подобный вид социальной лености не может привести общество к реальному политическому, или экономическому, или социальному росту. Скорее мы имеем дело с маргиналами, которые вынуждены сначала приспособливаться к окружающей социальной среде, затем искать свою «диаспору», обрести социальность, создавать свою так или иначе неконформную группу и пребывать в состоянии «вынужденной маргинальности» [1. С. 2, 20] в самый активный период своей жизни (с 17 – 18 до 30 – 34 лет). Наиболее вероятным результатом подобного «самоопределения» может быть только идеологический фантазм [4. С. 89], инфантильно воплощенный в корнях «постидеологических» политических движений [16. С. 28, 44]. И тогда общество стал-

кивается с инструментальной агрессией, с войной всех против всех, с тем, что сегодня обозначается как терроризм. Уникальность терроризма сегодня заключается в том, что хотим мы этого или нет, но сам терроризм все больше претендует ни на право или место в многочисленных течениях внутри политического экстремизма, а на звание новой социальной системы (формации) – *Novus Modus Vivendi*.

При этом нельзя забывать и еще один парадокс массового человека, который заключается в его жестком сплаве потребительской активности и поведенческой ригидности. Массу трудно сформировать, но еще сложнее бывает ее расформировать или реформировать. Обычно проблема как раз и состоит в том, что масса, возникшая на некой привычке к подражанию чему-то общему также склонна упорствовать, до конца «цепляясь» за эту сформировавшуюся через принцип удовольствия потреблять привычку [2. С. 56].

Новый же массовый человек, представитель молодежного неконформизма, кроме того, не просто индивидуален – он экстремал, но не потому, что он не похож (или стремится быть непохожим), а потому что живет в атомизированном урбанистическом обществе постиндустриальной эпохи, где общество состоит из отчужденных и от социума, и друг от друга индивидов. Современный вестернизированный человек стал представителем социальных субгрупп, которые в силу обстоятельств не способны интегрироваться в большое референтное сообщество. Поэтому по отношению к этому обществу, которое должно в процессе адекватной социализации заниматься формированием и постулированием социального интереса, он и выступает как маргинальная личность, которая тяготеет к созданию объединений с невертированной системой ценностей, а социум, в свою очередь, закладывает кризисность подобного феномена через системы формальной социализации (чем больше человек проходит формальных социализирующих институтов, тем дольше он растягивает свое время инициации, включающего его, как полноценную личность в общество).

Однако процесс подобной идентификации индивидов в новой культурной форме (одновременно это процесс становления культурной формы, ее развертывания из зародышевого состояния) происходит не так, как описано выше. Этот процесс не начинается формированием социального интереса, а им завершается, он не завершается предметной и поведенческой презентацией, а начинается с нее. Данный процесс как бы противоположен процессу возникновения культурной формы; его можно определить как процесс ее инсценирования или как культурную инсценировку.

Чаще всего для маргинализованных индивидов, которые стремятся как можно быстрее найти выход из их нынешнего неопределенного и неустойчивого положения, обретение внешних признаков идентификации является сигналом того, что прошлое преодолено. Но это скорее желаемое состояние, чем реализованное на самом деле.

К внешним свидетельствам идентификации, осваиваемым на начальном этапе культурной инсценировки, относятся усвоение поведенческого кода и символики одежды, выработка лингвистической компетенции, освоение пространств, в которых происходит презентация избранной культурной формы (сце-

нические движения, реквизит, ознакомление с текстом, освоение мизансцен).

Формально не имеет значения, какая культурная форма при этом представляется: практически всегда этапы и составляющие их элементы — идет ли речь о монархистах, хиппи, кришнаитах, пацифистах, панках, сексуальных меньшинствах, яппи, новых русских, коммунистах или фашистах — на передний план сначала выдвигаются внешние знаки идентификации: специфический жаргон, специфический стиль движений или проведение презентаций в определенное время в определенных местах. Все это — подobaющие декорации для разыгрывания «культурной пьесы», в качестве которой может быть театрализованное шествие кришнаитов с флагами, танцами и пением гимнов или процессия православных, обходящих церковь с крестом, или демонстрация коммунистов, ориентированных на столкновение с милицией и насильственный разгон.

С усвоением теории идентификация закрепляется на рациональном уровне, индивид обретает понимание своего места в мире и соответственно своего вновь найденного интереса и научается его рационально обосновывать. Выработка морально-эмоционального настроя, соответствующего культурной форме, с которой индивид себя идентифицировал, по сути, завершает процесс инсценирования. Обычно это некоторая совокупность высказываний или представлений о человеке, о мире или о какой-то его части, которые нередко просто носят характер предрассудков и даже не выражаются прямо в систематической форме. Далее это уже не инсценировка, не поиск себя и своего мира, а настоящая жизнь в ее объективной реальности и необходимости.

В социальной феноменологии их называют повседневными теориями. Они имеют эмпирический референт и могут быть верифицированы, хотя и на свой особенный манер. Отбор эмпирических фактов имеет селективный характер, теория полагается истинной, если удастся найти соответствующие ей факты, фальсифицированная теория не элиминируется, но продолжает считаться истинной, более того, она даже не релятивизируется.

Одновременно с процессом идентификации индивидов и параллельно этому процессу в рамках культурной формы происходит развертывание ее самой из зародышевого состояния, когда она существовала, если можно так выразиться, в головах экспертов «в снятом виде», в полноценное социальное образование. Собственно говоря, это не два параллельных процесса, а один двуединый процесс. В его ходе складывается группа, обладающая всеми необходимыми признаками социального института. Она располагает специфической нормативной средой, а именно: нормами отношений между «своими», нормами отношений к чужим, то есть индивидам, не являющимся членами группы, нормами внутригрупповой иерархии, нормами отношения к государству и властям.

Группа располагает также своей особенной идеологией, которая содержит более или менее целостный и всеобъемлющий образ существующего мира, образ мировой динамики, правила интерпретации фактов и явлений с точки зрения принятого образа мира, правила оценки явлений, правила элиминации, которые

позволяют объяснить то, что не укладывается в принятую картину мира.

Какая идеология и картина мира сегодня востребована обществом? Мы имеем дело с постмодернизмом практически во всех сферах социальной политики и первичным показателем этого является тот факт, что приоритетным в последние годы стало развитие не информационных, а симуляционных технологий, т.е. технологий виртуальной реальности. С их помощью воссоздается видимость институциональности обмена. Обмен осуществляется как симуляция — виртуальный аналог реального социального взаимодействия. Взаимодействие есть, но ему не достает привычной социальности, общества как среды взаимодействия. Вот оно-то, общество, в традиционном его понимании и замещается киберпротезом — виртуальным магазином. К тому же сам постмодернизм терминологически зафиксировал перемещение пластов исторического времени. Та система связей между культурой (искусственной сферой) Земли и ее ныне живущими человеческими обитателями, которую мы считаем субстанцией нашего актуального человеческого существования (ноосфера), перестает быть таковой. Проходит перецентрировка указанных связей с промышленно-индустриального уклада, который нес атрибуты современности, на другой уклад (сенсационная, шоковая подача новостей в СМИ, мало похожая на сюжетные нарративы литературы, и потерявшая рационально-доказательную базу). Новый опыт кумулируется электронными средствами информации [18]. Жизнь становится все более отчужденной и виртуальной, а внутри виртуальной реальности нет социальных проблем ввиду отсутствия реального социума. Будущее постепенно замещает настоящее (технический прогресс ради биологической деградации), а настоящее (здесь и сейчас) воспринимается как анахронизм (досадно присутствующие проблемы из параллельного мира прошлого). Именно здесь, на наш взгляд, лежат корни тех процессов, которые сегодня называют «кризисом социальных наук» из-за невосребованности фундаментальных знаний и стремления к зачастую псевдонаучной специализации универсального знания.

Сегодняшний кризис социальных наук, на наш взгляд, как раз и связан с тотальным пришествием в эту сферу постмодернизма, когда «каждый человек верит в то, чему учился». Специализации даже относительно одной науки настолько размывают свою предметно-объектную область, что часто люди одной профессии, но смежных специализаций терминологически не понимают друг друга. С одной стороны, мы живем в языке собственных научных подходов, с другой — это наше «язычество» искажает истинную картину мира. Обществу, с одной стороны, необходимо научиться управлять как тенденцией обесценивания творческого труда по созданию знаний, понижению социального статуса творца, создателя знаний, так и тенденцией повышения статуса пользователя знаниями, с другой, переоценки в какой-то мере его более рутинного и более доступного труда. Такая нивелировка способна понизить творческий потенциал общества, что будет иметь весьма негативные последствия для его развития. И когда мы говорим о том, что проблема молодежных субкультур стала одной из са-

мых востребованных в гуманитарной науке, мы сталкиваемся с массой способов и возможностей интерпретаций заявленного объекта, но при всем обилии фактов, материалов и экспериментов (только за 2004 г. более 320 публикаций о проблеме) – ничего не происходит. Смена знаков не всегда несет в себе позитив, а смена смыслов не всегда объективна. Цена сегодняшней метафоры – это способность человека улавливать и создавать сходство между, казалось бы, несхожими индивидами и объектами. Однако если метафора знаменует собой начало мыслительного процесса, обращение к личному опыту каждого и всей системе знаний о мире в целом, то адиафора – наоборот, переводит мыслительный процесс в точку воспроизведения лирике, личный опыт заменяет опытом популярного лица, с его системой потребностей и его картиной мира. На стыке новых и межпоколенных и межэтнических связей в науке, мы сталкиваемся с тем, что именно метафора очень часто становится причиной коммуникативных барьеров внутри научной «диаспоры» (здесь, дословно с греч., как рассеянное проживание). В итоге мы получаем вместо метафоры – адиафору. А это значит, что перед нами встает проблема качества человеческой деятельности в условиях ускользающей социальности и, в связи с этим отчуждением, наука должна не прятаться за метафоры, превращая знаки в игру словами, а задуматься над оптимизацией изучения и внедрение новых программ и методов в молодежную субкультуру, которая является единственным значимым двигателем общественного развития. Нам необходимо перестроиться. Понять, что работать надо не с пространственными категориями (область, группа, коммуникативная сеть, иерархии и т.п.), а со временем (актуализация, своевременность, динамика, сопоставление и прогноз). Ergo, с методологической точки зрения наиболее удобным,

должен стать транспективный подход, рассматриваемый впервые еще Е. Кроником и А. Головахой [19]. На протяжении последних нескольких десятилетий идея многообразия качественно различных типов времени неоднократно высказывалась как естествоиспытателями, так и философами и на сегодняшний день получила достаточно широкое распространение в литературе. Выходят работы, в которых используются понятия геологического, биологического, химического, социального и других форм времени. Однако вопрос о правомерности и критериях выделения качественно новых типов времени остается, фактически, неразработанным. Более того, нередко под особой формой времени подразумевается лишь совокупность некоторых специфических особенностей временных свойств соответствующих областей материальной действительности, описываемых в понятиях обычного физического времени. Это обстоятельство позволяет некоторым исследователям высказывать серьезные сомнения относительно правомерности постановки вопроса о многообразии. Транспектива – это не ретроспектива (взгляд, обращенный из настоящего в прошлое), не перспектива (проекция будущего из настоящего). Это такой взгляд, благодаря которому, каждая точка на пути развития человечества (как неуклонного и прогрессивного пути становления человеческого в человеке) понимается как место существования времен (каждый человек в разных эпохах переживал одинаковые события), их взаимопроникновение и переход (восстанавливать жизненный мир давно ушедших людей для психолога не должно быть пугающим парадоксом) [20. С. 11 – 18], в котором реализует себя тенденция усложнения человека как единого сложного, социально-связанного с массой причинно-следственных и каузально-интерпретированных частей, целостного организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск: ТГУ, 2002. 22 с.
2. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001. 362 с.
3. Савин П.Н. Культура и процесс ремифологизации // Профориентация и психологическая поддержка. Теория и практика: Материалы V региональной научно-практической конференции. Томск, 2003.
4. Жижек Славой. Возвышенный объект идеологии: Пер. с англ. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
5. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности: Пер. с фр. СПб.: Владимир Даль, 2002. 473 с.
6. Юнгер Ф. Совершенство техники: Пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2002. 502 с.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
8. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997. С. 362.
9. Поправко Н.В. Мир молодежи: профессионально-коммуникативная среда в поле образования // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / Под ред. В.И. Кабрина и О.И. Муравьевой. Томск: ТГУ, 2004. С. 228 – 233.
10. Шабанов Л.В. Толерантность или игра в одни ворота // «Мы»: Научно-публицистический альманах. Томск: ТГУ, 2003.
11. Шабанов Л.В., Савин П.Н. Комплексная программа тренинговых упражнений формирования толерантных качеств личности коммуникаторов: Учебно-методическое пособие. Томск: КЦ «Позитив», 2004. 46 с.
12. Росс Л., Уорд Э. Принципы наивного реализма и их роль в возникновении непонимания между людьми // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 6. С. 24 – 37.
13. Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 271 – 284.
14. Гуггенбуль-Крейг А. Наивные старцы. Анализ современных мифов: Пер. с нем. СПб.: БСК, 1997. 96 с.
15. Раиккофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на наше подсознание: Пер. англ. М.: Ультра. Культура, 2003. 368 с.
16. Гроф С. За пределами мозга. М.: Институт трансперсональной психологии, Изд-во Института психотерапии, 2000. 500 с.
17. Демоз Л. Психоистория: Пер. с англ. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 512 с.
18. Шкуратов В.А. Психология и глобальные проблемы современности // Электронное приложение к журналу «Ежегодник Российского Психологического Общества». Психология и культура. Материалы III съезда РПО (25 – 28 июня 2003 г.).
19. Головаха Е., Кроник А. Психологическое время личности. Киев, 1983.
20. Ключко В.Е. Зеркало Персея и Круг Хомы: психоисторический этюд // Сибирский психологический журнал. 2004. № 19. С. 11 – 17.

Статья представлена кафедрой социальной и гуманистической психологии факультета психологии Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Психология» 20 декабря 2004.